

ЗАРУБЕЖНАЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОСМЫСЛЕНИИ

СТАНОВЛЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА В ПОВЕСТИ А. БРАВО «ИМЯ ТЕНИ – СВЕТ»

И. Р. Батенков

*УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка», г. Минск*

*Научный руководитель – Т. Е. Комаровская,
доктор филологических наук, профессор*

Аннотация. В статье анализируется произведение белорусской писательницы Алены Браво (Елены Валерьевны Горшковой) «Имя тени – свет», которая обратилась к сложной теме семейных отношений в советское время, когда под маской успешности скрывались личные и межпоколенческие драмы. Деспотичная, не терпящая возражений мать и бессловесная, пытающаяся угодить ей дочь. Агрессор и жертва, они были одинаково несчастны, потому что не принадлежали себе. В повести описывается, какой ценой дочь всё же находит себя и обретает свободу.

Ключевые слова: материнский террор; абьюз; подсознание; Алена Браво.

Алена Браво – белорусский прозаик и журналист. Родилась 18 августа 1966 года в городе Борисове Минской области в семье служащих. Окончила с золотой медалью специализированную школу с английским уклоном, затем факультет журналистики Белорусского государственного университета. После недолгого периода работы в районной газете Борисова уехала с мужем и дочерью на Кубу. После возвращения с 1990 года живет в Борисове и работает заместителем главного редактора в районной газете «Единство» [1].

Психология и внутренний мир нашей современницы, остающейся «узницей детства», но пытающейся отстаивать своё право на любовь и свободу – главная тема произведений Алены Браво. Сущность её героинь ярче всего проявляется в любви, которая «есть материнство» и одновременно – «просто долька апельсина под ногами толпы» [2, с.2].

«Имя тени – свет (История одной фобии)» – повесть, которая демонстрирует особенности творчества Алены Браво. Жизнь главной героини Виктории внешне казалась успешной, почти идеальной. Отличница в школе и

университете, активная пионерка и комсомолка, затем Уверенная Дама на посту директора городского Дворца культуры. Отличалась строгой дисциплинированностью и исполнительностью, работала, как и училась, только на «отлично», потому что по-другому просто не умела. Упоминание в докладе Заведующего было для неё неотъемлемой потребностью и частью жизни.

Но Уверенной Дамой была лже-Виктория, а настоящая жила в её подсознании – маленькая девочка, испытывающая страх падения и не имеющая ничего общего с той, которую знали уважаемые люди. Борьбу сознания с подсознанием, последствия травмы детства, отношения матери и дочери – Алена Браво достоверно показывает это на протяжении всего повествования.

Мать Виктории была несчастной, так как в молодости мечтала вовсе не о медальках и грамотах, а была полна оптимизма, как и весь советский народ, но между этим оптимизмом и повседневностью образовалась брешь, через которую свистал ветер отчаянья. И ярость матери тут же находила на кого излиться: на хмурую звероватую девочку, которая – вот же упорная, хитрая дрянь! – ни разу не заплакала, не приласкалась к маме, как младшая дочка, – «ну, конечно, этой скотине что ни говори – словно горох об стенку, так её и растак!» [2, с. 263]. Заглушив в себе истинную свободную личность, мать стала жить для идеи и партии, утратив человечность, а дочери у неё были, «потому что сдавать выродков в детдом считается неприличным» [2, с. 259-260].

«Долг» – это было главное слово в её лексиконе и первейшая ценность на шкале добродетелей. Разумеется, для людей – соседей, коллег, начальства. «Вот, живу ради детей, ведь это мой долг», – важно говорила она завсегда для дворовых лавочек» [2, с. 259].

Виктория была для матери объектом выражения ненависти, которой была переполнена вся её сущность, потому что в силу своего тонкого характера она не могла оказывать ей какое-либо сопротивление. Героиня считала: всё, что говорит и делает мама, правильно. В отличие от младшей сестры, которая на слово матери «дура» могла ответить «сама такая» и этим гасила материнскую агрессию.

Героиня, будучи подростком, со страхом ждала прихода матери с работы: подкашивались ноги, болел живот, рвало, как только время приближалось к шести часам вечера. Дочь была послушной, отличницей, членом совета пионерской дружины, но деспотичная мать всегда находила к чему придраться: плохо выжатая тряпка для посуды, песок от обуви на полу, беспорядок в письменном столе... Виктория металась по квартире, пытаясь предупредить возможный пусковой механизм очередного скандала. «Ничтожество! Дрянь», – истерично визжала мать, швыряя ей в лицо выдранный «с мясом» воротничок, выворачивая на пол содержимое ящиков стола» [2, с. 245].

Когда у Виктории начались месячные, она не понимала, что с ней происходит, и сидела, забившись в угол, боясь реакции матери, ведь однажды,

увидев её в компании мальчика, она ей бросила: «Курва!» Но, на удивление, мать не стала устраивать скандал, а лишь сказала, что эта «мерзость» с ней будет происходить каждый месяц.

Вернувшись однажды в одиннадцать лет из школы, Виктория обнаружила пьяную мать, спящую на кровати. Причиной алкогольного забытья был уход нового любовника в прежнюю семью из-за того, что она отклонила его «неприличное» условие: отдать «девку» на воспитание родному отцу, потому как «Что скажут люди?!». На столе был отвратительный беспорядок: пустая бутылка из-под водки, раскуроченный батон и консервная банка с остатками красной икры. Из газовой конфорки выходил газ, так как выкипевший кофе погасил её пламя. Она выключила плиту, открыла окно. На полу, кровати были пятна крови, мать лежала, раскинувшись на кровати, тяжело дыша и хрипя. Виктория пришла в ужас, у неё подкосились колени. Ситуация требовала посторонней помощи, но всё это было неприлично, поэтому перепуганная девочка не была уверена, что мать положительно отнесётся к присутствию в доме чужих. Дочь решила её разбудить, чтобы та сама подсказала ей, что делать. «Мама-а-а!» – намеренно громко плакала она, встав на колени возле кровати. Мать подняла с подушки отёкшее лицо, которое сразу же исказила гримаса ненависти: «Это ты во всём виновата, б...дь! Из-за тебя он ушел, из-за тебя!! Выпростанной из-под одеяла рукой мать ударила Викторию по лицу так сильно, что у той носом пошла кровь» [2, с. 260].

Камень вины, который свалился на девочку возле материнской кровати, по чистой случайности не переломил ей позвоночник, однако нормальное психоэмоциональное развитие Виктории на этом прекратилось. Накормив и уложив младшую сестру спать, она забилась в угол за креслом и просидела там до утра, дрожа от холода и страха, что мать проснется и снова будет её бить...

Но мать больше не ударила её ни разу, а нашла средства для издевательств более физических: ирония и проклятия, от которых у девочки хрустели кости. Ради Виктории мать «пожертвовала» своим женским счастьем, и для достижения равновесия, по её мнению, дочь должна была достичь того совершенства, которое недоступно никому.

Каждое материнское слово ранило девочку до глубины души, но мать этого не понимала, считая Викторию бесчувственной. Алена Bravo, таким образом, обращается к нам с призывом решать проблему абьюза, актуальную и для нашего времени.

Предприняв попытку самоубийства, Виктория попала в больницу, где условия были не лучшими. Она не понимала, почему в детской больнице её даже не накрыли простыней. Мать, ещё раз подчеркнув своё безразличие и абьюзерское отношение к личности дочери, пришла в больницу лишь один раз, чтобы сказать: «Что ты наделала, паскудница? Как я объясню это в партийной организации?!».

Мать водила Викторию в общественную баню на окраине города рядом с детским домом. «Вот будешь плохо себя вести – отдам сюда, где дети с голыми животами под забором валяются, – конечно, мать её просто пугала, но Виктория верила каждому её слову и старалась заглянуть в щели забора и увидеть в побуревших листьях или снегу грязные животы несчастных детей, а потом, в бане, старательно терла мочалкой свой собственный живот» [2, с. 233]. До такого состояния мать доводила своего ребенка, именно тогда у героини начала развиваться фобия, она очень боялась оказаться на месте детей, о которых говорила ей мать.

От духоты, грохота тазов, мельтешения чужой распаренной плоти ей делалось не по себе: всё вокруг расплывалось, словно она смотрела сквозь запотевшее стекло, по рукам и ногам бегали невидимые мурашки, а сердце заходило от ужасной мысли: что будет, если она, уже намытая до кукольно-розового блеска, сейчас упадёт туда, куда стекает грязная пена? – в детдом! Её отдадут в детдом!». [2, с. 233]

Жизнь и судьбу Виктории предопределил страх перед большим скоплением людей, перекрестками... В залах заседаний, на первомайских демонстрациях она всегда находилась с краю, так как страх не давал ей находиться в центре.

Алена Браво поднимает проблему нездоровых взаимоотношений в семье. Художественная линия матери и дочери тесно переплетается с художественной линией бабушки и внука в автобиографической повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом», где любовь и ненависть составляют древо отношений, превращая жизнь детей в кошмар [3].

Отличница студентка, активная комсомолка. Кажется, тот маленький испуганный ребёнок не имеет ничего общего с настоящей успешной и прекрасной Викторией. Но та девочка никуда не исчезла, а тихо притаилась в глубинах тела и подсознания. Во время очередной первомайской демонстрации она проснулась: у Виктории участилось сердцебиение, появился запах пота, на транспарантах были распаренные в бане женские тела. С этого момента жизнь героини превратилась в противостояние двух «Я», развязавших между собой настоящую войну внутри её тела.

На демонстрациях она стала находиться с краю, боясь упасть посреди толпы. Комсорги стали обвинять её в идейной неустойчивости. Она ходила на демонстрации, в том числе чтобы доказать себе, что владеет собой и контролирует ситуацию, но тело воле неподвластно. Сказать комсомольским комитетчикам правду о своём состоянии, естественно, она не могла, так как это грозило бы отчислением из института.

В лифте Виктория тоже предпочитала ездить одна, и однажды, когда двери предательски раздвинулись, вопреки её нажатиям на кнопку закрытия, с ней в кабине оказался молодой человек. Растерявшись, героиня начала на ходу

придумывать легенду об аллергии на запахи людей, скрыв настоящий недуг. Парень слушал её внимательно, не перебивая, ведь она не знала, что он был студентом третьего курса мединститута.

С азартом студента-третьекурсника он стал разрабатывать, искать методики для лечения её болезни, которая определила его выбор между психиатрией и хирургией в пользу последней, а также выбор жены.

Прожили с Павлом пять лет. За всё это время Виктория так и не смогла рассказать ему о настоящей болезни, постоянно притворяясь и выдумывая легенды об аллергии. Страх ушёл, но лишь до их окончательного расставания, так как был заблокирован самой мощной силой – любовью. У героини была счастливая семейная жизнь, но она её не ощущала из-за собственной лжи и ощущения той маленькой девочки, которая продолжала жить в её теле.

Любовь, построенная на лжи, долгой быть не может, что и показывает Алена Браво. Если бы Виктория тогда в лифте рассказала Павлу правду, у неё была бы долгая и счастливая жизнь как с ним, так и в целом. Это был её шанс начать настоящую жизнь, избавиться от страха и быть счастливой, но она им не воспользовалась.

Руководя Дворцом культуры, героиня со страхом ждала совещаний, боялась упасть в глазах уважаемых людей. Она сидела, вжавшись в кресло, отчаянно борясь с приступом фобии при помощи таблеток, говоря рядом сидящему Заместителю, что это просто конфета. Её считали Уверенной Дамой, но даже предположить не могли состояние её души.

После провального городского концерта она была уволена. Страха больше не было, болезнь ушла сама. А всё потому, что страх падения исполнился, она упала.

Виктория ощутила свободу, поняла, что теперь она может жить полноценной жизнью. Увидев из-за кулис, как сидит, вжавшись в кресло, директор и докладывает о том, что «виновные наказаны», она поняла, что люди, которых она считала уважаемыми, ничтожны, и вся среда, в которой она обитала, пропитана страхом. Теперь она обрела свободу. Ведь там, где страх, не может быть жизни и свободы, а всё, что может быть – лишь существование.

Всё это время: детство, университет, работа – Виктория прожила среди таких же людей, постоянно находящихся в страхе. Это был не её страх, она просто тонко чувствовала психологический климат своего окружения, в котором находилась. Радости и планам на нормальную жизнь не суждено было сбыться, психосоматика всё уже решила за неё: вскоре Викторину настигла смерть, которая стала для неё спасением.

Такой исход характеризует экзистенциальную направленность повести, для которой характерно изображение глубокого эмоционального и духовного измерения современного человека, психологической ситуации, в которой он находится, и уникальных трудностей, с которыми сталкивается. Результатом

является спасение и освобождение личности, которым для Виктории могла стать только смерть. Высокая чувствительность к окружающей атмосфере привела к трагическому концу, который был закономерен, так как героиня стала олицетворением порядков жизни и пути, по которому они ведут.

Алена Браво поднимает проблему нравов советского времени, их давления на личность, а также предъявляет обвинение грубому материнскому террору дочери, искалечившему её жизнь.

Библиографический список:

1. Елена Валерьевна Горшкова (Браво) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://http://www.borisovgymnasia3.by/images/stories/Z_vyipusniki/bravo.pdf. –

Дата доступа: 29.03.2023.

2. Браво, А. Имя тени – Свет: повести, рассказы / Алена Браво. – Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012. – 360 с.

3. Санаев, П. Похороните меня за плинтусом / Павел Санаев. – М. : АСТ, Астрель, ВКТ, 2010. – 288 с.

БРЮГГЕ КАК ГОРОД-МИФ В РОМАНЕ Ж. РОДЕНБАХА «МЁРТВЫЙ БРЮГГЕ»

Л. В. Купцова

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», г. Нижний Новгород

*Научный руководитель – Ю. А. Маринина,
кандидат филологических наук, доцент*

Аннотация. В статье рассмотрены разные подходы к изображению города в литературе, проанализирован образ Брюгге как город-миф в романе Ж. Роденбаха «Мёртвый Брюгге». В работе раскрыты основные мотивы, связанные с образом Брюгге в данном произведении, выявлена связь между функционированием Брюгге в романе и сюжетом. В статье осуществлено раскрытие мифологической основы в описании Брюгге.

Ключевые слова: Брюгге; город-миф; городское пространство; мифологизация пространства.

Функционирование городского пространства в литературе является одним из изучаемых аспектов. Ю. М. Лотман утверждал, что город «представляет собой